БѢДСТВіЕ КОРАБЛЯ НАСЛѢДНИКЪ–АЛЕКСАНДРЪ.

16–го сентября 1842 года баркъ Русско–Американской Компаніи, Наслѣдникъ, подъ командой капитанъ–лейтенанта Кадникова, вышелъ изъ порта Св. Франциска, на берегу Калифорніи (Америки), и пустился къ Ново–Архангельску (на островѣ Ситхѣ, у сѣверной же Америки, болѣе на сѣверъ).

Двѣнадцать дней штили и маловѣтріе мало подвигали его; 27–го сентября яркая заря на востокѣ предвѣщала бурю; багровое солнце, какъ каленое ядро, вышло изъ–за мглы; тихо подулъ попутный SO, но скоро сталъ свѣжѣть. Въ 10 часовъ закрѣпили брамсели и гротъ, въ 11 взяли по два рифа у марселей, въ 12 остались подъ фокомъ и зарифленнымъ гротъ–марселемъ. Въ два часа дулъ жестокій штормъ съ ливнемъ. Баркъ мчался на фордевиндъ по 12 узловъ. Огромные валы обдавали его пѣной.

Вечеромъ, капитанъ думалъ привести къ вѣтру, для чего и подготовили зарифленную бизань. Командиръ безотлучно былъ на

верху, промокъ до костей и готовясь самъ стоять всю ночь на вахтѣ, сошелъ только переодѣться. Остался опытный штурманъ Красильниковъ.

Но судьба какъ будто только этого и ждала: не успѣлъ капитанъ спуститься, какъ рулевой прозѣвалъ и судно не много рыскнуло: огромный валъ ударилъ съ права въ корму и поворотилъ его къ вѣтру; другой валъ накатилъ на него горою: оно ужъ стояло бокомъ. Трескъ и гулъ, стонъ и дрожь пробѣжали по всѣмъ его составамъ. Все что было на шканцахъ снесло за бортъ; рубки, штурвалъ, нактоузъ, всѣ шлюпки, гикъ и гафель съ бизанью, люки — и туда же снесло Красильникова, обоихъ рулевыхъ и еще двухъ матросовъ!

Безъ управляющаго вахтой и безъ рулевыхъ, судно стояло поперегъ страшнаго волненія, которое его заливало. Боцманъ съ матросами бросились на фока–гитовы, но фокъ и гротъ–марсель вырвало вонъ и унесло. Вода лилась въ люки и уже до половины затопила палубу; судно легло на лѣвый бокъ, такъ что всѣмъ бортомъ

лежало въ водѣ; всѣ огни погасли, темная ночь накрыла бѣдствующихъ.

Боцманъ Бравченко, плавая и держась за снасти, кричалъ: пошелъ всѣ на верхъ! Но и въ палубѣ тонули и не знали какъ вылѣзть; всѣ трапы сорвало: бочки, доски, люки, трапы, сундуки, обломки перегородокъ носились въ палубѣ при жестокой качкѣ, били и колотили во всѣ стороны, люди плавали, цѣплялись за что ни попало къ навѣтренному борту, хватаясь другъ за друга и обрываясь.

Командиръ бросился на верхъ при первомъ ударѣ волны; но вторая встрѣтила его въ дверяхъ каюты, отбросила назадъ, изломавъ перегородки, и онъ плавалъ, среди обломковъ этихъ, столовъ и стульевъ, и при каждомъ ударѣ волны его бросало качкой изъ угла въ уголъ, било о бортъ и било досками и мебелью. Онъ не потерялся, однакоже, ни на минуту; во все время кричалъ онъ: «Красильниковъ, что вы дѣлаете! Держите на румбѣ!» Но Красильникова уже не было и рулевыхъ также. Командиръ отдавалъ нужныя

приказанія — но исполнять ихъ было некому и голосъ его заглушался ревомъ бури.

Наконецъ, къ счастію, волненіемъ выбило подвѣтренные порты и вода могла стекать; судно стало попрямѣе. Коммиссіонеръ Черныхъ, залитый вмѣстѣ съ капитаномъ и подкинутый къ открытому люку, ухватился за клокъ висѣвшаго паруса и былъ вытащенъ на верхъ. Подвахтенные кой–какъ также стали вылѣзать и выплывать на верхъ; другой штурманъ, Архимандритовъ, также затопленъ былъ въ каютѣ, и ухватившись за гвоздь въ бимсѣ, висѣлъ на рукахъ. Онъ слышалъ изъ каюты своей голосъ капитана, команду его, слышалъ какъ онъ уговаривалъ коммиссіонера Черныхъ: «не бойся, хватайся, держись!» Онъ слышалъ также отвѣтъ со шканецъ, на зовъ капитана, что Красильникова снесло за бортъ. Услышавъ все это, штурманъ еще съ большею силой сталъ выбиваться на верхъ. Онъ кричалъ мореходу Папельцову, котораго увидалъ уже у люка: «Осмотри руль, поставь

бизань, гротъ–марсель, дай ходу!» Онъ не зналъ, что ни марселя, ни бизани не было.

Папельцовъ выбрался, кинулся къ рулю, нашелъ его въ исправности, поставилъ гротъ–трисель и велѣлъ закрывать люки парусами и кожами. Боцманъ кричалъ командѣ: «Братцы, не робѣть; Богъ не потопилъ насъ, а оплошаемъ — сами утонемъ: не подымайте рукъ на себя, къ работѣ!»

Избитый и израненый Архимандритовъ спасся въ это время изъ подпалубной пучины и принялъ отъ Папельцова команду. Всѣми силами старался онъ, призвавъ другихъ на помощь, спасти капитана, котораго голосъ все еще былъ слышенъ — но голосъ этотъ не взывалъ о помощи, а распоряжался; все еще отдавалъ онъ приказанія, для спасенія судна; — матросы хватали командира, чрезъ люкъ, за одежду — но страшными толчками качки его вырывало изъ рукъ и вскорѣ бѣдный капитанъ, выбившись изъ силъ, замолкъ.

Архимандритовъ одержалъ руль и привелъ къ вѣтру; принялись отливать воду

всѣмъ, чѣмъ можно было почерпнуть ее или загрести. Къ осьми часамъ отлили и выкачали воду; судно спасено.

Избитый трупъ капитана нашли въ каютѣ и усердно оплакали. Въ слѣдующіе дни судно по немногу исправилось, а 4–го октября пришло въ Ситху.

Архимандритова царь наградилъ золотою медалью «За спасеніе погибающихъ», для ношенія на шеѣ; трехъ лучшихъ матросовъ серебряною, для ношенія въ петлицѣ; компанія выдала отъ себя штурману 1000 руб. сер.; Черныхъ 800 р., прикащику 500, Папельцеву 300, четырнадцати матросамъ по 100 р., а прочимъ по 50; а сиротамъ погибшаго капитана Кадникова и штурмана Красильникова назначила пенсію въ 900 и въ 400 р. асигн.